

Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное обращение с жителями Донбасса

Введение

Доклад подготовлен негосударственной организацией «Фонд исследования проблем демократии» (директор — М.С.Григорьев) и Российским общественным советом по международному сотрудничеству и публичной дипломатии (председатель - С.А.Орджоникидзе) при поддержке В.М.Джабарова, С.В.Мамедова, И.Н.Морозова, С.А.Маркова и других членов Комитета общественной поддержки жителей Юго-Востока Украины.

Для расследования конкретных случаев применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения эксперты Фонда фиксировали свидетельства тех, кто был передан украинской стороной при обмене пленными. С некоторыми из них беседа происходила через 5–10 минут после их передачи. В подготовленном Фондом докладе использованы результаты опроса более чем 100 пленных, переданных украинской стороной. Опрос проводился экспертами Фонда в период с 25 августа по 4 ноября 2014 года¹.

Необходимо также учесть то, что, по мнению опрошенных, украинская сторона предоставляет для обмена лишь тех пленных, которые находятся в сравнительно удовлетворительном состоянии. Это позволяет сделать предположение, что в действительности ситуация с пытками на Украине находится в более тяжелом состоянии, чем описано в данном докладе.

Согласно определению Европейского суда по правам человека Конвенция по правам человека полностью запрещает использование пыток вне зависимости от любых других условий. Более того, законодательство ЕС исходит из того, что «государство несет ответственность за действия всех своих агентов, таких как полиция, спецслужбы и другие правоохранительные органы, а также любые другие государственные органы, осуществляющие контроль над тем или иным лицом, независимо от того, выполняют ли те приказ или действуют по своему усмотрению». В отличие от других прав,

¹ С учетом того, что большинство опрошенных продолжает опасаться возможных репрессий и не законных действий украинской стороны по отношению к их родственникам, в данном тексте в большинстве случаев указаны лишь имена опрошенных. Однако в контексте судебных процедур каждое из свидетельств зафиксировано на видеозаписи и снабжено персональными данными опрошенного — фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства.

закрепленных Конвенцией, статья 3 не может являться предметом частичной отмены (оговорки) в случае войны или иной чрезвычайной ситуации, угрожающей национальной безопасности. Статья 15 (2) ясно исключает возможность какой бы то ни было частичной отмены или умаления статьи 3 в рамках Конвенции².

Полученные Фондом исследования проблем демократии данные позволяют утверждать, что украинские вооруженные силы, Национальная гвардия и другие формирования Министерства внутренних дел Украины, а также Служба безопасности Украины (СБУ) систематически и намеренно нарушают статью 3 «Европейской конвенции по правам человека»: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Масштаб и системность применения пыток позволяет также говорить, что их использование является намеренной политикой этих структур, санкционированной их руководством.

Оценивая практику применения ими пыток, Лилия Родионова, представитель Комитета по делам беженцев и военнопленных (г. Донецк), которая непосредственно занимается обменом пленных, рассказывает о тех, кого передает украинская сторона: «Практически все люди возвращаются с переломанными ребрами, руками, ногами, вырванными зубами. Без побоев нет ни одного. Только к моменту обмена их начинают лечить. Один парень получил восемь пулевых ранений. Его даже в больнице избивали, засовывали пальцы в раны. Зубы выдергивают плоскогубцами. Бьют в места ранений. Много людей с проломленными черепами. Пытают шилом, колют. В последнее время хватают не ополченцев, а простых людей. Людей пытают порохом, электрошоком, клеймят. Кого-то бросали в яму с трупами, давили ковшем экскаватора, засовывали паяльник в рот. Людей содержали в железных контейнерах без доступа воздуха. Пытки изощренные, страшные — люди становятся калеками.

Людям не оказывают медпомощь, даже больным сахарным диабетом. наших пленных можно отличить по цвету кожи. Она у них становится сероватой. Каждый раз составляются списки с фамилиями людей, которые находятся в тяжелом состоянии, но нам их не отдают». Симон Вердиян — волонтер, оказывающий помощь Комитету и освобожденный в сентябре 2014 года, говорит: «Я знаю случаи, когда людям сыпали порох

² Совет Европы, Interights, «Руководство для юристов — Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 3)».

на гениталии, клеймили горячим железом, расстреливали на глазах у других, отправляли на минное поле, вдавливали тракторными ковшами в землю, оставляли ночевать в ямах с трупами. Кормят их в основном только водой и хлебом».

Часть I. Методы и обстоятельства применения пыток украинскими силовиками

Жестоким и систематическим избиениям подвергается подавляющее большинство захваченных украинской стороной.

Например, пострадавший Андрей рассказывает, как его избивали и подвешивали на крюк в СБУ: «Нас задержали сотрудники СБУ, переодетые в форму ГАИ. Отвели в блок-пост, угрожали, приставляли оружие, говорили: "Мы тебя сейчас застрелим, нам за это ничего не будет". Угрожали пытками током, били ногами в голову, это там же, на посту. Наручники постоянно были затянuty настолько, что руки синели. Отвезли в СБУ, там уже продолжилось то же самое, только с использованием уже пластиковых бутылок, наполненных водой, наручники сзади — и на крюк. Позабирали абсолютно все — все личные вещи, телефоны, деньги, карточки — все, что было. Ничего не вернули, даже когда мы выходили на обмен».

Ополченец Сергей тоже рассказывает, как его подвешивали на цепи в наручниках: «Нас захватили около Луганска, отвезли на площадку вертолетную, потом перебросили вертолетом на другую площадку. Оттуда поместили нас в яму, моему товарищу Александру больше доставалось, ввиду того, что при приемке ему сломали нос, били прикладом по голове, разбили голову, сломали челюсть. Потом нас снова перегрузили в вертолет — и в Краматорск.

В Краматорске, естественно, снова в ямы, скованные в наручниках, подвешивали цепями кверху и избивали. Потом перевезли в город Изюм, отвели в подвал, мешок на голове, пристегнули наружниками к батарее, растянули на растяжку. Руки онемели, так как это продолжалось в течение трех дней. Отвезли в СБУ, там уже все это сняли, перевязали и обработали руки. Потом нас обменяли».

Пострадавший Юрий говорит: «После "неваляшки" меня отвели в помещение бетонное 1,5 на 2,5 метра), пристегнули наружниками к анкерной скобе на стене, посадили, сняли повязку. Через некоторое время туда пришел человек в камуфляже, не представляясь, начал спрашивать, кто я, откуда я, как я сюда попал, почему попал. Он показал шеврон на левом рукаве, зеленый, со знаком укропа, говорит: "Я горжусь, что я укроп". У меня забрали деньги, золотые украшения — обручальное кольцо, венчальное кольцо, цепочку, крестик. Со мной разговаривал вроде бы вежливо, без угроз, сказал, что я вру, развернулся, ушел. Через некоторое время за мной пришли двое военнослужащих Украины уже в камуфляже, на рукавах у них были желтые повязки, и начали меня избивать. Избивали

ногами и кленовой палкой, свежесрезанной из дерева. Удары в основном наносили выше колен до лица, по рукам, избивали до тех пор, пока я не упал. Потом они успокоились, ушли, через некоторое время пришел опять офицер и сказал, что, если я не буду разговаривать, это будет повторяться регулярно и постоянно.

Ночью практически каждые два часа военные в балаклавах регулярно, постоянно и профессионально нас избивали. Все спрашивали, не агент ли я ФСБ».

Захваченные женщины при этом нередко подвергаются изнасилованиям. Пострадавший от пыток Юрий рассказывает, как около его помещения военнослужащие Украины с западно-украинским акцентом избивали и насиловали захваченную женщину:

«В одну из ночей я услышал, как избивали женщину, она кричала. Эти молодые военнослужащие (от 18 до 25 лет, не старше) разговаривали на украинском языке с западным акцентом, то есть некоторые слова были вперемешку с польским. Потом эти молодчики (насколько я понимаю, их по голосам было около четырех-пяти человек) глумились над ней, то есть насиловали, избивали, при этом ржали, как лошади, это был нечеловеческий смех, то есть они были то ли под наркотическим воздействием, то ли под алкогольным. Они получали большое удовольствие, избивая ее, насилуя. Что именно было, я потом услышал уже от нее сам. Даже просто то, что я слышал, для меня, как для человека, это было унижительно».

Согласно свидетельствам пострадавших, Украинская армия, Национальная гвардия, различные формирования Министерства внутренних дел и Служба безопасности Украины используют целый арсенал пыток.

Например, целый ряд пострадавших свидетельствуют, что используются такие пытки, как прижигание тела с помощью горелки или раскаленных предметов, выжигание на теле арестованных различных надписей.

Например, ополченец Александр рассказывает, как украинская Национальная гвардия жгла его горелкой и подвешивала за руки:

«Мы попали на засаду, нас захватила Национальная гвардия. Трое суток над нами издевались, без перерыва, били, жгли, вешали. Меня жгли, я так понял, что горелкой, мешок был на голове.

Меня подвешивали за руки, еще даже не зажали шрамы, правая рука — немая, я ее не чувствую. Ребра еще болят. Избивали ногами, сзади руки пристегивали, привязывали к пальцам кольцо гранаты, и надо было сидеть. Если пошевелюсь, то, само собой, выдергиваешь чеку. Нужно было

сидеть ночь, чтобы не шевелиться, потому что выдернешь чеку. Приходилось сидеть, хотя иногда хотелось даже вырвать. Просили застрелить, но они говорили, что это легкая смерть, хотя не один раз ставили к стенке, приставляли пистолет к голове, нажимали на курок, это просто щелчок был, выстрела не было. Некоторые просили даже, чтобы пристрелили, чтобы не мучили. Но они говорили, что для нас это легкая смерть, что мы нелюди, что предали свою страну. Это не люди вообще, это звери».

Ополченец С. Станкевич рассказывает, как его пытала Национальная гвардия, — на груди раскаленной цепью ему выжгли слово «сепр» (сокращенное от «сепаратист») и раскаленным штык-ножом немецкую свастику на ягодице:

«24 августа 2014 года мы ехали проводить человека до границы. По пути машину расстреляли. Нас двоих, меня и водителя, увезли в Краматорск, где пытали, допрашивали, избивали, избивала Национальная гвардия. Выжигали на груди цепью раскаленной надпись "сепр" и на ягодице немецкий крест. После трех дней избиения отвезли в службу безопасности в городе Харькове. Сутки мы пролежали на каменном полу в туалете, только потом запустили нас в общие камеры. Лечились на свои деньги. Отпустили вчера вместе со всеми. Служба безопасности Украины выделила 1500 гривен на лекарства, чтобы зажило все, выжигали цепью. На бедре выжгли немецкий крест раскаленным штык-ножом. Били так, что повредили глаз. Теперь я им не вижу».

Михаил, ополченец ДНР, захваченный в плен в районе с. Волновахи, рассказывает: «Потом, когда перевели в СБУ, приезжали еще люди. Показывали выжженное на теле слово "сепар", свастика на ягодице, звезда на спине. И все ожоги 3-й степени».

Пострадавший Роман рассказывает: «Я был задержан 5 апреля 2014 года при прохождении границы. В Харьковском СИЗО познакомился с человеком, которому поджигали пятки каленым железом. В настоящее время я его судьбу не знаю. В автобусах на обмен его с нами не было».

Используются такие формы пыток, как раздробление тех или иных частей тела. Например, ополченец Алексей, попавший в плен 26 августа 2014 года, рассказывает, как военнослужащие Украинской армии кувалдой и молотком его били по пальцам ног и коленям:

«Когда в плен попал, положили лицом на землю, я только услышал: "Берем вот этого большого, маленького и старого, остальных в расход". А группа наша была в составе девяти человек. Нас поместили в БТР и увезли меня в неизвестный населенный пункт, потом я из разговоров понял: какой-то 11-й разведбат.

Там нас кувалдой били по пальцам ног, молотком по коленям били, соответственно по ногам, черенками от лопат били... ночью привязали к какой-то ограде, раздели до трусов и всю ночь обливали холодной водой. С утра продолжили избиения, ближе к обеду нас увезли в какой-то штаб, где избиения продолжились. Потом в СБУ города Изюма уже относились чуть-чуть попроще. Кормили когда один раз в день, когда два, когда просто забывали. А потом уже обменяли».

Ополченец Олег также рассказывает, как он подвергся жестоким пыткам, а его товарищу украинские военнослужащие разбивали кувалдой пальцы ног:

«Нас задержали на блок-посту. Сначала нас не били, потом приехали люди из какого-то карательного батальона, началось сразу же избиение. Рассекли губу, прыгали на грудной клетке, прыгали на спине, били прикладами и били стволами автоматов по позвоночнику. Нас троих связали, набросили мешки, погрузили в БТР, пятерых товарищей расстреляли на блок-посту. Нас привезли в расположение, и избиение продолжилось, обливали водой. Вечером посадили в какой-то сарай, потом еще одного товарища посадили со мной же. Третьего товарища на улице пытали. Ему разбили кувалдой пальцы ног, обливали холодной водой ночью. Утром нас погрузили в автомобиль, при этом набросив мешки и связав скотчем глаза. Привезли в какое-то место, где избиение продолжилось, то есть избивали по несколько человек. Били резиновым шлангом по спине. Потом загрузили опять в машину, привезли в штаб в городе Краматорск, где избиение продолжилось. Били группой в три-четыре человека, били электрошоком, ставили на колени в мешке, стреляли возле уха. Потом пришел их командир, забрал нас всех и посадил нас в яму на цепь, надели наручники. Сидеть я не мог, стоять я не мог, то есть я висел на этой цепи, потому что у меня были сломаны ребра и пальцы рук».

Пострадавший от пыток Андрей рассказывает, как к нему применяли такой прием пыток, как «неваляшка»:

«Взяли меня по доносу просто из-за того, что я остался в городе. Брала Нацгвардия и СБУшники. Они привезли меня в Краматорск и трое с половиной суток издевались. Кленовой палочкой избивали от локтей до шеи и колени. Полностью фиолетовое все тело. При этом были удары в живот, внутренние кровотечения. Потом они делали из меня "неваляшку", то есть два человека заходят, бьют прикладами по голове. Один спереди, другой сзади, справа и слева, потом наносится удар ботинком в живот и теряешь сознание. Валялся на земле. Когда привезли на медицинское освидетельствование, медики, которые осматривали меня, были в шоке от того, что увидели. Это была сплошная гематома от шеи до колен и по локти».

Жертвой этого приема пытки стал и пострадавший Юрий: «10 сентября 2014 года меня арестовали и привезли в Краматорский аэропорт. Пристегнули к цепи длиной в метр наручниками. Через 15–20 минут подошли практически тихо, незаметно двое (так как глаза у меня было завязаны, я просто по шагам определил, что двое), сделали меня, так сказать, "неваляшкой", то есть плоской частью приклада наносили удары: сначала справа по голове, потом слева, раскачивая меня, потом один подошел, сделал шаг вперед, ударил меня сзади прикладом по голове, а второй ударил меня прикладом в лоб, после чего отклонился назад, и нанесли мне удар ногой в брюшную полость. Я потерял сознание, упал, не знаю, сколько я времени лежал без сознания. Кто-то подошел, объяснил, что ребята мне сделали "неваляшку" Меня пересадили на табурет где-то метрах в пяти, присоединили к другой цепи. Я опять сидел и опять же (не знаю, через какое время) подошли двое человек и опять же проделали "неваляшку". Я опять потерял сознание, упал, при этом обмочился, удары наносились в живот очень и очень сильно в район печени, профессионально».

Пострадавший от пыток Игорь, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», рассказывает о таком приеме, как «качели»: «...длинный ломик-шестигранник. Руки под ноги в наручниках и надевается ломик. И потом кружили меня этим ломиком, оставляли, и я висел на нем. Кости чуть не повылазили у меня. До сих пор не работают руки, эти части».

В качестве орудия устрашения и пыток используют и так называемую «бандеровскую удавку».

Захваченная 15 октября 2014 года медсестра Ольга рассказывает: «Когда допрашивали в СБУ, один показал железную проволоку, как спираль. Спрашивает: "Знаешь, как это называется? Это — "бандеровская удавка". Я тебя буду ей душить, пока не будешь говорить».

Ополченец Евгений, захваченный 10 сентября 2014 года сотрудниками СБУ, рассказывает: «В СБУ мне накидывали удавку на шею, били ногами, прикладом по голове, прикладом по почкам, одевался мешок, лили воду. И потом уже в следственном изоляторе били по голове Уголовным кодексом Украины».

Стандартным методом пыток Украинской армии и подразделений Министерства внутренних дел является использование электрического тока. Например, пострадавший от пыток Игорь, захваченный 14 сентября 2014 года, рассказывает: «Последний раз они 20 минут продержали на ломике, сняли, начали обливаться водой и бить током, электрошокерами». Пострадавший Станислав,

задержанный представителями батальона «Азов», также рассказывает об этой методике: «В процессе избиения были сломаны ребра, нарушена грудная клетка и повреждены легкие. Потом меня отвезли в суд. Там я под угрозами подписал документы. Я их даже не мог прочитать. Постоянно избивали, угрожали. Они клали мокрую тряпку на меня и включали электрошокер. Это происходило часто. Пробыли грудную клетку. Впоследствии была операция на легких. Били по голове, рукам. Голова опухла, рука не двигалась, ребра сломаны почти все, печень смещена».

Ополченец Александр рассказывает, как его тоже подвергали пыткам электротоком: «Ворвались в дом, связали руки фиксирующей пластмассовой лентой и уложили в микроавтобус, порядка двух часов везли. Вывели из микроавтобуса, и я услышал, что кого-то проводят рядышком и по отношению к этому человеку они очень негативно настроены. Кричали, угрожали, я услышал выстрел. И звук падающего тела. Потом я услышал: "Что вырыл такую маленькую яму?"

Меня привели в подвал, усадили на ступени, пристегнули наручником заднюю руку к трубе. Минут через пятнадцать я услышал, что выводили еще какого-то человека, тоже на него кричали, угрожали в этом плане, и опять я услышал выстрелы. И опять звук падающего тела.

После чего ко мне периодически заходили и избивали ногами, кулаками в область головы, тела. Облили водой, привязали колени к руке, разули и один контакт был на руке, другой на ноге. В течение всего этого времени, где-то ориентировочно часов с 12, точно не помню, до вечера следующего дня, ориентировочно часов до 17–18 и в течение всего этого промежутка были допросы, были пытки. Мне присоединили провода от аккумулятора к руке, облили водой и били током. Я терял сознание, как только отойду, они обливают водой и через время опять допрашивают.

Еще помню, как привели меня на допрос, вложили гранату и зажали. Я так понял, для оставления отпечатков на ней, после чего с меня сняли шапку и начали допрос. У них еще когда производились пытки, они сказали, что у них есть такой террариум, куда бросают людей и ничего после них не остается».

Пострадавшие от пыток отмечают, что в последнее время армия и правоохранительные органы Украины стали системно задействовать такой метод пытки, как «утопление». Ранее этот метод использовался американскими спецслужбами.

Например, 18-летний пострадавший Влад рассказывает: «Я приехал из Донецка домой. Днем мне позвонила знакомая

и предложила встретиться. Со мной еще были трое друзей. Только из такси выходим, подъезжает микроавтобус и сразу нас схватили. Мешок на голову — и потащили. Начали сразу допрос: уложили на спину, положили сверху тряпку и водой заливали. Руки в наручниках, я перевернутый. Руки сзади на спине, и я лежал на спине. Я уже терял сознание, потом откачивали. Три раза делали и каждый раз откачивали. Потом снимали меня на видео, как я давал показания. Отвезли к следователю, писали протокол, что я возил на скорой помощи и собирал раненых в Донецке».

Пострадавший от пыток Денис, задержанный украинской Нацгвардией 31 июля 2014 года и переданный батальону «Азов», также рассказывает: «Глаза были завязаны, клали на лицо полотенце или тряпку. Я не видел. Руки при этом были прикованы сзади. И, держа меня сзади за голову, положив мне на лицо тряпку, поливали сверху. Не знаю, из чего — из бутылки, из чайника... Состояние — утопление. Потом приводили в чувство. Ну и так далее».

Целый ряд опрошенных свидетельствовали, что некоторых арестованных украинские войска отправляют на минные поля. Например, Василий, ополченец ДНР, захваченный в районе с. Петровское 18 августа, говорит: «...потом в яму уволокли. Двух отправляли на минное поле. Было семь взрывов. Меня собрались расстрелять». Пострадавший от пыток Константин, также захваченный 18 августа, рассказывает: «...потом отправили в Краматорск. Там посадили в яму, периодически избивали, оскорбляли. Потом привезли новых, и все внимание переключилось на них. К одному из них подошел десантник и увел его и еще одного парня. Потом выяснилось — их отправили на минное поле».

Председатель гуманитарного фонда Алла рассказывает: «В аэропорту Краматорска молодые ребята, которым я гожусь в матери, оскорбляли, унижали, говорили: "изнасилуем и пустим на минное поле"».

Практически все заявляют, что Украинская армия и карательные батальоны также стреляют в конечности заключенных, совершают наезды военной техникой. Системной практикой также является имитация расстрелов.

Ополченец Михаил рассказывает: «Я был задержан в ходе проведения операции. Двое товарищей погибли, двое сумели скрыться, а нас взяли. Нам связали руки и посадили в машину. Приехали в неизвестное место. Сначала сидели в яме, потом нас вызвали на допрос. Я не чувствовал рук.

Я видел, как тракторным ковшом засыпали парня по пояс, а потом просто отпустили его на него. Двух ополченцев

отправили на минное поле. Один сказал — лучше здесь меня пристрелите. И тогда они начали стрелять от пальцев ноги вверх, расстояние между пулями примерно пять сантиметров. Когда он дошел по одной ноге до паховой зоны, переключился на другую ногу. Стрелял из автомата».

Пострадавший Денис, задержанный украинской Нацгвардией 31 июля 2014 года и переданный батальону «Азов», говорит: «Закидывали в яму с трупами. Расстреливали, короче. Закидывают в яму, специфический запах — эффект расстрела».

Пострадавший от пыток ополченец Донецкой Народной Республики Владимир рассказывает об угрозах родственникам и имитации наезда на него БТР: «Меня взяли в плен 5 июля 2014 года. Пока везли в машине, меня избивали. По прибытии кинули в яму. На допросе руки были связаны, били, хотели прострелить колено. Потом положили меня под БТР и пытались переехать. Пугали так. Вытащили, побили, я потерял сознание. Кинули в яму с отходами, стреляли рядом, потом вытащили и продолжили допрос. В процессе него я много раз терял сознание. Потом мы провели ночь в яме, под дождем. Нас погрузили и отвезли в СБУ. Там нас избивали, угрожали расправой с семьей. После этого отвезли в СИЗО, там провели осмотр, после этого не трогали».

Ополченец Анатолий рассказывает, как украинские военнослужащие в пьяном виде застрелили одну из заключенных:

«В начале сентября со мной встретился мой знакомый. Он говорит, что один человек хочет встретиться со мной, чтоб вступить в ряды ополчения. Я с ним встретился. Он посидел, купил мне пива и сказал: "Мне надо переставить машину поближе". Когда он ушел, вышло шесть автоматчиков и милиционер. Когда завели в горотдел милиции, начали уже грубо со мной разговаривать.

Меня увезли, привезли, закрыли в морозильную камеру, посадили и там держали. Избивали, били по ребрам с двух сторон с ноги. Потом душили пакетом, давили наручниками и поднимали вверх. Когда мне выбили челюсть, я еле жевал.

Потом перевезли, сказали, что в Изюм. Нас держали в подвале, как котельная. Каждый раз они напивались, приходили и прикалывались над нами холостыми патронами. По потолкам стреляли. Потом "Правый сектор" приходил, тоже пьяные. Там была Катя из города Краматорска. Ее пристрелили там на месте, когда они напились.

Пришли три человека, зашли с "калашом", а у одного был ПМ с боевыми патронами. Ходили по камерам — стреляли, потом дошли до нее, насколько мы слышали, стреляли в потолок, потом слышали выстрел и звук как хрипение, и кто-то из сокамерников

сказал, что последние слова у нее были "Зачем?" И все. Начался крик, шум поднялся. На следующий день ходили, как будто ничего не бывало».

Стандартным способом запугивания со стороны Украинской армии, карательных батальонов и СБУ являются угрозы родственникам задержанных людей. Используют также такие методы давления, как содержание в одной камере с уголовниками.

При таких угрозах в большинстве потерпевшие подписывают предложенные им показания. Например, пострадавший Павел рассказывает: «9 июля меня схватили, били. Схватили мою девушку, тоже повезли на базу. Заставляли ее давать признательные показания в том, что я командир, который командовал отрядом, который сбивал вертолеты. Говорили, что твоя девушка с базы не выедет, мы ее будем насиловать на твоих глазах и убьем в конце концов. Стали мне предлагать подписывать чистые листы бумаги. Заставили меня признаться в том, что я командовал этим отрядом, и ее отпустили».

Ополченец Константин, подвергавшийся пыткам и избиениям в «пресс-камере», рассказывает, что сотрудники СБУ угрожали ему тем, что «отрежут голову жене и детям»:

«26 мая 2014 года я выехал в г. Харьков по семейным обстоятельствам. Меня четыре человека сбили с ног и десять минут избивали чем только можно — и ногами, и руками. Сломали ребро, приставляли оружие к голове и говорили, что расстреляют.

Привезли в здание, там были люди в форме. У них была прослушка, но они выбивали показания, что я на ГРУ России работаю. Били, перебили перепонку у левого уха, четыре дня не вставал с кровати, били сильно. Я там пробыл почти месяц, они говорили, что отрежут голову жене, детям. Говорили это так: "Если ничего не признаешь, отрежем твоей и ее малолетним уродам головы, если не мы, то "Правый сектор", мы с ними сотрудничаем". Называли имена Андрея Белецкого, который сейчас командир батальона "Азов". Я опасался за жизнь своих детей, жены. Я подписал, но в дальнейшем меня закинули в пресс-камеру, там меня "дорабатывали" на изоляторе».

В некоторых случаях угрозы родственниками претворяются в жизнь. Пострадавший Игорь, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», говорит: «Оказывается, пытали мою жену. Тоже забрали и держали в соседней камере. Ей сломали на левой ноге все пальцы. Я подписал все бумаги».

Пострадавший Владимир рассказывает, что, кроме угрозы его родственникам, его поместили в камеру к уголовникам:

«Я был задержан 29 июня 2014 года на посту ГАИ на трассе Киев — Харьков. Когда зашел на пост ГАИ, меня задержало СБУ.

Вышли к машине, машина была открыта, там — две тротилловые шашки и какая-то карта с какими-то метками. Карта и тротилловые шашки мне не принадлежали.

В СБУ били, били жестко, морально унижали. Угрожали, что дочки будут проститутками и т. д.

В изоляторе содержали с уголовниками в камере, с убийцами, наркоманами. Первый раз увидел, как люди колются, для меня это — шок. Второй раз перевели в другую камеру, там еще хуже уголовники».

Задержанные украинской стороной подвергаются пыткам на различных этапах: непосредственно на месте взятия в плен, во время транспортировки, после передачи тому или иному подразделению, во время предварительных или основных допросов, в изоляторах, в судах и т. д.

В качестве стороны, осуществляющей пытки, пострадавшие называют Национальную гвардию, различные формирования МВД Украины, «Правый сектор», различные подразделения вооруженных сил Украины, Службу безопасности Украины.

Например, ополченец Александр рассказывает: «Оказался в плену. Меня и моего друг друга держали в подвале, от нас требовали ответ на вопрос: "За сколько продали Украину?" Я пытался им объяснить, что это моя земля, я на ней родился и вырос, никому и ничего не продавал. Те, кто держал нас в подвале, — ребята лет по 25–28, били по печени, по почке, один уставал, садился второй. У первого был позывной Тёма, а у второго — Ветер, тому нравилось втыкать шило в левую лопатку. Все это было в подвале около блок-поста. Я понимал, что больше не выдержу, и попытался выбить дверь, а они сказали: "Будешь выбивать — повесим гранату". Сначала в ногу выстрелили, потом были другие выстрелы, скользящие.

Затем отвезли все-таки в город, в больницу. Дело на нас не заводили, но был разговор, что нас обменяют. Потом пришли с другого батальона, хотели нас забрать, чтобы обменять, а те не отдавали. Более подробно я не буду рассказывать, мне тяжело очень».

Пострадавший Сергей рассказывает, как его подвергли жестоким избиениям по дороге в Службу безопасности Украины. Также избиениям подверглась и его супруга. Именно ее сотрудники в дальнейшем подвергали пыткам, как и его самого: «Нас схватили у меня дома. Приехали сотрудники СБУ в масках, выбили дверь и начали избивать меня на глазах у жены и десятилетней дочери. У жены начался сердечный приступ. Они сделали в квартире обыск, подбросили две гранаты, после чего меня погрузили в микроавтобус и по пути на трассе продолжили

избивать. В этих бумагах был бред, что я агент Службы безопасности России. Сказали, что если я не подпишу бумаги, то они убьют мою жену. В СБУ я все подписал. Когда избивали на трассе, мне сломали три ребра. Обнаружили, когда возили на флюорографию. У меня поменяли снимок для того, чтобы не было проблем с изолятором временного содержания».

Другой пострадавший рассказывает: «Я был ополченцем. Меня схватили. Тыкали ножом, избивали железяками, били в позвоночник, отбивали ноги еще. Требовали признаться в том, что я террорист, и так далее. Били электрошокером. Потом привязали провод к ногам и крутили ручку чего-то. Оно меня било сильно. Интересно, что одно избиение состоялось прямо в зале суда, при судье. Судья все это видел. Говорили, что если не подпишешь, то привезем детей, семью».

Артем, захваченный 13 июня в городе Мариуполе, свидетельствует: «Сразу начали бить, привезли в аэропорт и посадили в холодильник. Издевались над нами. Все были в масках. Там продержали трое суток, потом увезли в СБУ. Мы были с переломанными ребрами и без какой-либо медицинской помощи. Применяли физическое насилие, вкладывали в руки оружие, для того чтобы остались отпечатки пальцев, угрожали».

Некоторые опрошенные говорят, что сотрудники СБУ предпочитают для пыток использовать других военнослужащих Украины, однако пытки происходят в их присутствии.

Например, захваченный 4 августа 2014 года Александр рассказывает, как в присутствии офицеров СБУ его душили, пытали электротоком и заставляли застрелиться из пистолета: «Вечером избивали и допрашивали. Допросы все проходили одинаково. Один из них длился десять часов. За это время не дали ни капли воды, разрядили на мне электрошокер, избивали. Потом изменили тактику допроса. Стали душить. И так пять суток. При допросах присутствовали представители СБУ. Была постоянная провокация. Устроили расстрел. Выстрелили над головой и отправили в камеру. Потом дали пистолет в руки, чтобы застрелиться. Били, пока не нажал курок, но патронов в нем не оказалось».

Другие опрошенные рассказывают, что их подвергали мучительным пыткам прямо после ранений или в больнице. Практически все говорят, что медицинская помощь либо не оказывается вовсе, либо носит недостаточный характер.

Например, потерпевший Дмитрий был обстрелян на блокпосту и с многочисленными пулевыми ранениями был доставлен в больницу. Он рассказывает, как его и других больных пытали

украинские национальные гвардейцы прямо в больнице после операции:

«Я попал в плен в сентябре 2014 года. На блок-посту Национальная гвардия обстреляла машину — пулевые ранения было в бедро, в поясницу, в грудь. Меня отправили в больницу и сделали операцию, отправили в палату для военнопленных, пристегнули наручниками. перевязки делали раз в неделю. Две раны гноились.

Пьяные солдаты Национальной гвардии в течение трех недель заходили и спрашивали: "За сколько продал Украину?" Потом били по всему телу. Вот мы лежали, пристегнутые наручниками к кровати, они приходили и били в пьяном виде с автоматами. Один подходил и бил по лицу, второй по ране ударял. Так поиздеваются, выходят, выпьют — и снова. Все это продолжалось сутками, не давали спать. Били прикладами по ранам, угрожали, что ножами порежут сухожилия. Они кричали, чтобы нам не давали обезболивающее. Сказали, что долго я не протяну.

Ополченцу Александру ножом руку ковыряли, отодвигали повязку и ковыряли. Другой брал шило и ковырял спину.

Еще один человек, который находился в палате рядом, рассказывал, что ехал просто на машине. Она забарахлила, он остановился посмотреть, подъехала машина Национальной гвардии. Его схватили и повезли в дом, в подвал. Двое суток пытали и издевались.

Перед тем произошел обмен, нам сделали уколы, вот уже двое суток не хочется спать. Я не знаю, что это за лекарство такое, они ничего не объясняли».

Другой пострадавший говорит: «В аэропорту Мариуполя нас держали в холодильнике. Заходили — пистолет к голове приставляли и стреляли рядом. Потом были ребята — их положили на пол и стреляли возле головы. Других, бывало, резали — сухожилия перерезали на ноге одному парню, другому разбили прикладом голову, аж скальп слез. Сказали, что вы никто и звать вас никак. Не кормили, не поили, в туалет не водили двое суток и воду не давали. Заставляли признаваться в терроризме. Медицинскую помощь не оказывали. На все болезни — анальгин».

Ополченец Александр рассказывает, что находящимся в СБУ также не оказывают достаточной медицинской помощи: «В начале августа 2014 года мы ехали в машине и попали в засаду. Мне отбили все внутренности, сломали два ребра, одно ребро проткнуло мне легкое, кровь стала поступать в легкое затем. Били сильно, руки перевязали веревкой, об асфальт терли, чуть не лишился кисти. Потом отвезли в СБУ и затем меня уже

в больницу. В СБУ меня продержали месяц. Там были раненые с осколками и с пулями, многих в госпиталь не отвозят».

Владимир рассказывает, что он видел в СБУ: «В марте 2014 года я попал в Харьковское отделение Службы безопасности Украины. Люди избитые, лежат со сломанными ребрами, вывихнутой челюстью. Одному стало плохо, поднялась температура, началась рвота. Вызвали охрану, они его забрали. Наутро мы спрашивали, где он, но нам ничего не отвечали. Есть подозрения, что он умер. Это просто ужас. Люди все приезжают побитые».

Иван, активист Антимайдана, рассказывает: «В конце мая 2014 года я поехал в Харьков. На одной из остановок зашла девушка, за ней молодой человек лет под тридцать, крупный. Он сказал ей: "Смотри, не балуйся", попрощались, поцеловались, он вышел, она села, мы поехали дальше. В Харькове, как вышел, сделал пять шагов, начали заламывать за спину руки, надевать наручники, бить по копчику, по ребрам, по ногам наносить удары. Надели мешок на голову, посадили в машину, сели с двух сторон, это сопровождалось, естественно, бранью, били по печени, по голове, в основание шеи. Завели в какое-то здание, водили по коридорам и лестницам вверх-вниз, потом в коридор опять завели, кинули на пол, хлопнула дверь камеры. Так я пролежал часа два с мешком на голове, с наушниками. Потом через время зашел человек, снял мешок, и я увидел этого молодого человека, который провожал девушку. И он мне сказал, что по законам военного времени я буду расстрелян и утоплен в болоте. Ударил два раза по голове, два раза в живот, предложил помолиться, надел мешок и вышел. Потом я так пролежал какое-то время, зашли несколько человек после этого, подняли, повели.

Перевели в другое помещение какое-то, сбили с ног, сняли наручники, начали выламывать руки в локтевых суставах в разные стороны, при этом вкладывали патроны от автомата в руки. Они сжимали, выкручивали руки, при этом один зажимал мне шею, душил, воздуха не хватало, били по копчику. Отвели назад, стянули ремнями руки выше локтей и в кистях. И так я сутки пролежал, провалялся на полу, руки онемели, думал — отпадают. Потом, после того, как я пролежал, меня повели в какой-то кабинетик, маленький: там только стул стоял, я на него сел, стол, на нем сидел человек, и был этот молодой человек, я потом узнал, что он из контрразведки, — Олег. Мне сказали: "Сам понимаешь, ты — военнопленный, никто тебя судить не будет, расстрел". Этот следователь играл в хорошего полицейского. Олег разговаривать не стал, начал сразу бить. Я закрылся руками, согнулся, он бил по спине, по позвоночнику, в основание черепа, с колена бил по голове. Потом меня опять

увели, опять руки не развязывали, так и был в ремнях. Так я еще пролежал. Потом на следующий день меня вроде как официально к следователю повели, следователя зовут Артем. Олег пришел, дал по ушам пару раз ладошками. На следующий день меня повезли на суд. На суде мне присвоили задержание под стражей и снова увезли в Харьковское СБУ».

Владимир рассказывает, как его избивали сотрудники СБУ. Он рассказывает: «26 июля меня схватили и привезли на Краматорский аэродром. Сами сотрудники СБУ рукоприкладством не занимались по отношению ко мне — они отходили, оставляли меня одного, и меня била 95-я бригада. Десантники вывихнули челюсть, отбили ребро. Увезли в Харьковское СБУ. Меня вывели в отдельную комнату и три оперативника били уже руками».

Сергей рассказывает: «В СБУ избивали, били в основном по почкам и по грудной клетке. Раздевали, клали на пол, наступали ногой на пах, приставляли пистолет к рукам, к ноге. Говорили, что или убьют, или прострелят руки, ноги при попытке к бегству. Сломали ребро».

Пострадавший Андрей, к которому применялся такой прием пыток, как «неваляшка», свидетельствует: «В СИЗО, где я находился, никакой медицинской помощи не оказывалось». Ополченец ДНР Владимир говорит: «Медицинскую помощь не оказывали. На все болезни — анальгин».

В ряде случаев пострадавших все же отправляли в больницу, делали операции, но затем не оказывали необходимой медицинской помощи. Пострадавший от пыток Станислав, которого пытали электротоком и пробили легкое, рассказывает: «Голова опухла, рука не двигалась, ребра сломаны почти все, печень смещена. В СИЗО меня не приняли, отправили в больницу на операцию. После этого отправили в СИЗО, там медицинская помощь не оказывалась. Надевали мешок, невозможно было дышать».

Подавляющее большинство захваченных рассказывают, как с помощью пыток и угроз украинские власти заставляли их подписывать признания, что они являются агентами российских спецслужб. Абсолютное большинство мирных граждан, захваченных украинскими войсками, не выдерживали пыток и угроз и подписывали любые обвинения в их адрес.

Например, пострадавший Сергей рассказывает: «...по пути, на трассе, продолжили избивать. В этих бумагах был бред — то, что я агент Службы безопасности России. Сказали, что если я не подпишу бумаги, то они убьют мою жену. В СБУ я все подписал. Когда избивали на трассе, мне сломали три ребра».

Ополченец Руслан рассказывает:

«Задержали меня в день моего рождения. Били по голове, потом мешок на голову. В СБУ оперативники издевались над нами, шантажировали семьей. Я взял все на себя, и меня отправили на изолятор. Месяц прожил с вывихнутой челюстью».

Целый ряд опрошенных называют конкретные места, где Национальная гвардия и Украинская армия массово использует пытки, или приводят позывные тех, кто подвергал их пыткам. Например, упоминают о полигоне Национальной гвардии «Днепр-1» под Днепропетровском. Пострадавший Владимир, задержанный 4 сентября 2014 года, рассказывает: «Там издевались над нами, унижали, кидали людей в ямы со змеями, могилы заставляли себе копать». Пострадавший от пыток Игорь также рассказывает об этом месте и называет позывные тех, кто его пытал: Икс, Альбина и Макс.

Александр рассказывает, как к нему применяли неизвестные медицинские препараты, подвергали пыткам и унижениям:

«Меня обвинили в том, что я совершил теракт и покушение на пограничников. Начали избивать дубинками, ногами били в голову, потом открыли рот, кинули туда два кислых кубика. Я начал задыхаться и терять сознание.

Потом, когда меня откачали, дали бумаги на подпись, я подписал их, и отвели в морозильник. Потом отвезли в СБУ, снова давали на подпись бумаги. Я их отказался подписать, и пришли в кабинет четыре человека в черной форме в масках с пистолетами и начали бить. Потом опять заставили подписать бумаги, и я их подписал. Продержали нас в СБУ и отвезли в село к батальону "Днепр-1". Нас унижали, бросали в яму со змеями, стрелять возле головы и возле ног. Потом я выбрался из ямы, и заставили ползти по асфальту, по стеклам и тоже стреляли возле ног. Потом я дополз до забора, дали лопату, сказали: "Копай себе яму", и когда я выкопал яму, они опять начали стрелять возле ног».

Ополченец Александр также приводит позывные тех, кто их пытал: «...ребята лет по 25–28 били по печени, по почке... У первого был позывной Тёма, а у второго — Ветер, тому нравилось втыкать шило в левую лопатку».

Часто упоминают также аэропорт города Мариуполя, в котором захваченных держат в промышленном холодильнике и подвергают пыткам, аэропорт города Краматорска.

Пострадавший Вадим рассказывает, как его избивали и угрожали расправой с семьей: «Меня схватили 28 июля в городском совете Мариуполя. Привезли в аэропорт и поместили в холодильник. Нечем было дышать. Избивали по почкам, коленям, терял сознание, сломали ребра. Конвоир постоянно

кричал, часто нас избивали. Угрожали расправой с семьей и дочерью».

Денис, захваченный украинской Национальной гвардией 31 июля 2014 года, также рассказывает об этом месте: «Меня привезли в Мариуполь, в аэропорт, где поместили в отключенные морозильные камеры. Там нет света, все лежали на кафельном полу. Вакуумные двери — дышать нечем, духота, задыхаешься».

Другие рассказывают, что для охлаждения холодильник включали, и температура в нем достигала минус четырех. Александр, захваченный 4 августа 2014 года, говорит: «Меня привезли в холодильник аэропорта. Некоторые смены забывают холодильник выключить, и температура в нем достигает минус четыре».

Ополченец Алексей рассказывает о тех, кого пытаются на аэродроме города Краматорска: «Я наблюдал, как с аэродрома запускались системы залпового огня. Был задержан сотрудниками СБУ, которые доставили меня на аэродром и пытали. Меня подвешивали за руки в яме: плиты, к ним веревка прицеплена, веревка — к наручникам, и в таком вытянутом состоянии с завязанными глазами. Меня били по ребрам, по печени, по лицу. Все, кто проходит через аэродром, все подвергаются таким пыткам и издевательствам. Люди, которые приезжают в изолятор временного содержания, все сине-фиолетовые, все побитые, у некоторых сердце не выдержало — умерли. Девяносто процентов оттуда приходят такие. Все побитые, все изувеченные. Там 95-я бригада, были иностранцы с грузинским, с польским акцентом.

Потом доставили в Харьковскую СБУ, где оперативные сотрудники по приезду тоже поначалу в камере допроса побили. Я весь сине-фиолетовый полтора месяца там находился. В то время как я там находился, они владели моим имуществом, ключами от гаража, от машины. Компьютеры из дома вынесли, технику. Полтора месяца обвинения никакого не предъявляли».

Опрошенные также говорят, что украинская сторона на протяжении долгого времени намеренно не регистрирует задержанных ими людей и намеренно нарушает предписанную законодательством процедуру. Например, Лилия Родионова, представитель Комитета по делам беженцев и военнопленных, в свое время также захваченная Украинской армией, рассказывает: «...я попала в СБУ, и меня по документам там не было». Пострадавший от пыток Алексей также рассказывает о фальсификации документов в Службе безопасности Украины: «Меня в СБУ продержали несколько недель и потом сказали: "Поехали на суд, вот тебе повестка, ты же сам первый раз пришел на суд, мы тебя вызвали вначале

с подозрением, а потом через неделю уже вызывали другой повесткой в суд. Я подписал и ту и другую».

Полученные Фондом свидетельства позволяют однозначно сделать вывод, что большинство жертв пыток не являются ополченцами Донецкой или Луганской Народных Республик, а относятся к категории мирных граждан. «Причиной» ареста и пыток граждан украинской стороной может быть «наличие телефона российского журналиста», наличие в личном телефоне «имен с Кавказа — Аслан, Узбек», телефонный разговор с «депутатом Донецкой Народной Республики», «оказание медицинской помощи в ДНР» и т. д. Аналогичной абсурдностью и бездоказательностью отличаются и другие обвинения. Например, ополченец Владимирович рассказывает, что в СБУ его обвинили в продаже комплекса «Кольчуга»: «Я занимался гуманитарной помощью в г. Славянске, с двумя священниками мы выехали в Крым. Выехали обратно, и при пересечении границы нас уже ждали сотрудники СБУ. На следующий день был суд: меня обвинили в продаже комплекса "Кольчуга", отправке бойцов для учебы в лагерях, в знакомстве с батальоном "Восток" и т. д. Душить меня пытались, что-то добавляли в воду... Когда сидел в СИЗО, один человек рассказывал, что их пытала Надежда Савченко, она была мужчин в пах».

Арестованный сотрудниками СБУ Алексей рассказывает: «...под Славянск, в село Евгеньевка, где был их штаб и по совместительству фильтрационный лагерь... попадались люди совершенно разные, в основном это жители Донбасса. У каждого своя история, но в основном это люди, которые каким-то образом пересекали блок-пост и они почему-то стали подозрительными, их решили отправить на дополнительные опросы.

В качестве примера могу привести такой случай, когда человек проезжал блок-пост, у него взяли телефон, начали смотреть и нашли там имена кавказские — Аслан, Узбек. Человека забрали и сказали, что он — пособник террористов и знает всех чеченских боевиков. Его забрали, привезли в кунг и несколько дней избивали, говорили: "Расскажи, где прячутся чеченцы?"

Нескольких людей задержали просто из-за того, что, паспорт открывают и смотрят там сзади: дети записаны одной ручкой. Говорят: "У тебя паспорт поддельный, все дети написаны одной ручкой", он говорит: "Я терял паспорт, мне его восстанавливали и переписывали". — "Нет, ты агент", — и его тоже в фильтрационный лагерь».

В целом ряде случаев для участия в обмене пленными украинские власти совершают аресты граждан, которые

заведомо не совершали никаких правонарушений.

Например, Наталья, 58 лет, рассказывает: «Приехали, сказали, что с моего телефона звонили, и еще нужно ехать с ними. Привезли в аэропорт, держали в холодильнике, есть не давали. Полы кафельные, каждые 20 минут включается двигатель холодильника. Сказали, что я изменница родины и меня ждет пожизненное. В СБУ быстренько составили все документы и отправили в суд. На другой день пребывания в СИЗО написала заявление, чтобы мне объяснили все, но меня не приняли. Потом меня опять повезли, посадили на автобус и сказали, что везут на обмен». Александр рассказывает: «Был задержан на въезде в Харьков, когда хотел выполнить просьбу своего приятеля — передать посылку. После чего был отправлен в здание СБУ. Просидел там полгода и был освобожден по обмену военнопленными».

В большинстве случаев мирные граждане Украины также подвергаются избиениям и угрозам расправ с семьей.

Например, Геннадий рассказывает: «Созвонился с другом, собрался ехать в спортзал. На остановке меня вытащили из машины, никто не представился, лицом положили на дорожное покрытие, наносили удары по ребрам, разбили очки, повредили глаз. На голову надели мешок, на руки наручники и посадили в машину. В машине выслушивали угрозы в свой адрес и адрес своей семьи. В конце концов я потерял сознание. Очнулся только от запаха нашатырного спирта. По приезде в СБУ я увидел, что у меня поврежден глаз. Потом повезли на обмен».

Артем рассказывает: «Меня задержали возле автомагазина. Сказали, что кто-то показал пальцем на меня, что я участвовал... Привезли меня в отдел, обыскали всю мою машину, меня избили и еще угрожали. Забрали телефон и документы. Но так как не было доказательств, меня опустили. Я вернулся домой, потом мне позвонили, сказали, что у них остались документы на машину. Я поехал, чтобы их забрать. Заставили подписать документы. Опять били. Привезли в больницу, просили, чтобы не писал никаких жалоб. Потом привели в суд, осудили, потом меня повезли в Харьков, в тюрьму. Пробыли там сутки, повезли на обмен».

Александр рассказывает, что в некоторых случаях захваты осуществляют с участием и согласно информации «Правого сектора»: «Меня повалили на землю и связали. Они сказали, что из "Правого сектора". Привезли меня по месту прописки. Было постановление об обыске, во время которого мне подкинула патроны. В СБУ сказали, что простят патроны, если расскажу все. Я заявил, что ничего не знаю. После этого меня отвели в другую комнату и два раза избили. Угрожали, что убьют мою семью. Ближе к вечеру приехал адвокат и потребовал скорую. Она

приехала, мне оказали первую помощь, но отказали в госпитализации, если не подпишу. Я подписал протокол».

В ряде случаев захваты не носят предусмотренного законодательством характера и не регистрируются. Например, Михаил рассказывает: «Примерно в конце июля меня задержали. Привезли меня за какие-то гаражи, приковали руками к дереву, подвесили и стали избивать руками, ногами, деревянными палками. Я несколько раз терял сознание от болевого шока. Они пытались узнать об ополченцах. Я сказал, что не имею к ним никакого отношения. У меня забрали деньги и сказали добираться домой самому. Вернулся домой. Отлеживался. Где-то в начале августа — снова они. Привезли в райотдел, начали меня избивать, стали надевать мне на голову мешок и перекрывать кислород».

Часть II. пытки и бесчеловечное обращение: показания потерпевших

Далее представлены несколько подробных рассказов тех, кто стал жертвами пыток со стороны Национальной гвардии, украинской армии и СБУ.

Пострадавший Игорь, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», подробно рассказывает, как его пытали: подвешивали на дыбу, использовали «качели», били электротоком, как схватили и пытали его жену. Кроме того, он называет позывные тех, кто подвергал его пыткам на базе «Днепр-1»:

«Меня схватил батальон "Днепр". Я поехал на рыбалку, меня схватили, привезли в линейное отделение милиции и сразу, со старта, начали избивать. Били всем, чем можно, — и палками, и ногами, и пистолетом по голове. У меня голова была — как ежик. Потом на дыбу вешали — это руки за спину, руки в наручниках. Повыворачивали все руки. Потом сделали, как они называли, "качели". Это длинный ломик-шестигранник. Руки под ноги в наручниках, и надевается ломик. Потом кружили меня этим ломиком, оставляли, и я висел на нем. Кости чуть не повылазили у меня. До сих пор не работают руки, эти части. Последний раз они 20 минут продержали на этом ломике, сняли, начали обливать водой и бить током электрошокерами. Это длилось, пока я не начал терять сознание.

Не давали спать. Если я начинал засыпать, такие экзекуции повторялись. Оказывается, пытали мою жену. Тоже забрали и держали в соседней камере. Ей сломали на левой ноге все пальцы. Я подписал все бумаги, в которых меня обвиняли, и меня увезли в СБУ. Что они пытались выяснить я так и не знаю. Зачем вот это все надо было вытворять, я не знаю. Сколько я историю не изучал, немцы не извращались такими пытками, как делали они.

После СИЗО нас отправили в Днепродзержинск на базу "Днепр-1". Позывные у тех, которые там служили, — Икс, Альбина и Макс. Они издевались как хотели: стреляли над головами. Все были практически переломаны, но они заставляли отжиматься. Одного человека вообще чуть не закопали в яме. Хотели застрелить. Это продолжалось четыре дня, и потом нас увезли в СБУ Харькова уже на обмен.

Там у меня открылась язва. Меня отвезли на неотложку в Харькове. При этом врачи сделали мне эндоскопию и все анализы — у меня сильно кровоточила язва. Факт в том, что меня отвезли под чужой фамилией. Мне сказали, называй любую фамилию, любой адрес.

Меня хотели положить в стационар. Но им запретили. Привезли меня обратно в СБУ, и пока не произошел обмен, приходилось как-то терпеть все эти боли невыносимые. Кроме того, что было все тело побито, ну еще и язва открылась».

Пострадавший Павел свидетельствует, что причиной его задержания и пыток стала его телефонная беседа с депутатом из Донецкой Народной Республики: «Сначала со мной беседовали вежливо, потом зашел мужчина и начал бить по ребрам. Мне стало дурно, и мне дали таблетку. Были судороги, у меня онемело тело. Они требовали признаться, что я был коррективщиком. Это неправда. Они слушали телефоны, а я просто поговорил с депутатом из Донецкой Народной Республики. Когда отвезли на полигон "Днепр-1", там человека ни за что ни про что кидали в трехметровую яму, заставляли копать могилы».

Денис, задержанный украинской Национальной гвардией 31 июля 2014 года на блок-посту и переданный батальону «Азов», рассказывает: «Каждые два-три часа — допрос. Много всего. Меня топили. Глаза были завязаны, клали на лицо полотенце или тряпку. Я не видел. Руки при этом были прикованы сзади. И, держа меня сзади за голову, положив мне на лицо тряпку, поливали сверху. Не знаю, из чего — из бутылки, из чайника... не видел. Состояние — утопление. Потом приводили в чувство. Ну и так далее. Так как у меня уже переломано колено, они увидели корсет на ноге, на колене, и мне сломали его повторно. В первый день его сломали. Потом на ногах, где ноготь, мне вставляли иголку. Такое состояние, как будто жилы из шеи тянет. Вытягивает всего, каменеет через боль.

Закидывали в яму с трупами. Расстреливали, короче. Закидывают в яму, специфический запах — эффект расстрела. Там много всего. Я знаю хлопца, которому плоскогубцами вырвали четыре передних зуба. Ребят знакомых, сколько видел, им на ломиках "карусели" делали».

Пострадавший Владимир был схвачен 4 сентября 2014 года людьми в гражданской одежде с балаклавами на голове и перевезен в аэропорт Мариуполя. Он рассказывает: «После приезда меня завели в помещение и начали издеваться — бить шокером в предплечье и в область сердца. Топили. Прямо с мешком куда-то голову опускали, пока не начинал сознание терять. После всего этого заставляли подписать бумаги какие-то. Я отказался. Они отвели меня в камеру. На следующий день меня вывели обратно. Мокрую тряпку клали на лицо и поливали водой. Начинал задыхаться, и они, чтобы сильнее начал задыхаться, брали и электрошокером били еще. Били по спине очень сильно. После этого почки очень долгое время болели.

После этого увезли на "Днепр-1" под Днепропетровском, там их полигон обучающий. Там издевались над нами, унижали, кидали людей в ямы со змеями, могилы заставляли себе копать. Издевательства были очень сильными над людьми, это словами не передашь».

Пострадавший Константин рассказывает, как его арестовали за то, что у него был телефон русского журналиста, а также приводит пример того, как украинские войска отправляли захваченных на минное поле: «18 августа 2014 года меня арестовали на украинском блок-посту за то, что у меня в телефоне был записан номер русского журналиста. На допросе мне сделали какой-то укол, и мне стало очень плохо. Я начал терять сознание, а они требовали показаний. Начали шантажировать меня тем, что если я не скажу что я сепаратист, то мне не уколут противоядие. Мне уже было все равно, я подписал, лишь бы мне стало легче. Поставили мне этот укол, мне действительно стало легче. Затем последовали угрозы расстрела. Потом отправили в Краматорск. Там посадили в яму, периодически избивали, оскорбляли. Потом привезли новых, и все внимание переключилось на них. К одному из них подошел десантник и увел его и еще одного парня. Потом выяснилось, их отправили на минное поле. Уже в таком состоянии мы там находились, что каждый день все меньше хотелось бороться за жизнь. Из тех, кого я видел, два-три человека не возвращались. Дня через три нас погрузили и увезли. Нас было шесть человек. Когда мы ехали, чувствовал себя посвободнее, общались. У одного, фамилия Харитонов, лицо — сплошная гематома. Видел, привезли парня и стали избивать. Спрашивали, помогал ли он в проведении референдума. Он ответил: "Да". Его обвинили в том, что он сепаратист. Ополченцев избивали, слышал, что на крюк сажали. В СБУ есть такая практика: признаешь себя виновным — прокурор просит для тебя минимальный срок. У многих нервы не выдерживали, и они соглашались».

Василий, ополченец ДНР, захваченный в районе с. Петровское 18 августа, свидетельствует: «Украинская военная колонна увидела нашу машину и начала ее расстреливать. Нас схватили, надели наручники, закинули в БТР. По дороге две машины мирных жителей ехали навстречу, их расстреляли с БТР. Один пацан остался жив, его тоже захватили, связали и бросили в машину. Привезли на базу нас и мирных жителей. Били молотком по пальцам, коленям, копчику. Разбили голову, сломали пальцы. Угрожали на кол посадить, угрожали отрезать бензопилой ногу и руку. На ночь меня прицепили к дереву, подошел их главный с молотком и стал у меня все расспрашивать.

Я сказал, что не знаю. Он ударил молотком по ногам. Потом в яму уволокли. Двух отправляли на минное поле. Было семь взрывов. Меня собрались расстрелять. Сказали молиться. Я попросил, чтобы мне освободили руки, это мое последнее желание. Он меня спросил, знаю ли я, какой сегодня праздник. Я ответил, что да, Спас. Он сказал, что мне повезло, и этот день можно считать моим вторым днем рождения. Меня отвели в яму, там цепи висели. Потом дал показания на камеру».

История известного на Украине тренера П. Б. Гилева размещена в сети Интернет. Приведем его рассказ: «Я — тренер. У меня создана общественно-спортивная организация. Я начал участвовать в создании Донецкой Республики. Они (украинские военные. — *Прим. ред.*) знали, что я еду в автобусе, вывели меня, это было чистой воды похищение. Вытащили с автобуса, кинули меня на землю... мешок на голову, руки были связаны, и о том, что меня передали в "Правый сектор", я узнал чисто из разговоров. А те — что хотели, то и делали, это — садисты. Они получают удовольствие от того, что тупо бьют людей, то есть, видя, что человек страдает, унижают его конкретно, я даже не знаю, что они от меня хотят. Что хотели, то и говорят, сами же себе на вопросы отвечали, не просто били, а тупо калечили.

Я там был не один. Нас всех там несколько раз расстреливали, но одного все-таки застрелили. Выводили просто, кто-то побежал, и его застрелили.

Они особо не церемонятся. Для них человеческая жизнь — пустое место, пустой звук. Они за это не несут ответственности — ну застрелили и застрелили. У них никто не спрашивает: "Зачем ты это сделал?" То есть люди что хотят, то и делают. Эта банда не только проблема Украины, которая ни с кем и ни с чем не справляется. Хотелось бы, конечно, чтобы международная общественность услышала. Потому что когда они побегут, они побегут в Европу все. Они почувствовали вкус крови, они не умеют никому подчиняться, никаким законам вообще. Для общественности, для мирного населения Европы это будет большая и очень серьезная проблема.

Особую радость у них вызвало, когда он узнали, что я тренер по карате, чемпион мира, чемпион Европы. Тут они, конечно, с огромной любовью уже кинулись меня истязать. Их, по-моему, бесило, что я все время вставал, и они не знали, что со мной делать, и тогда уже в ход пошли биты, приклады, холодное оружие. Они через каждые 25–30 минут приходили и по полчаса избивали, просто так, просто ради какого-то дьявольского эксперимента.

Потом уже меня забрал другой батальон. И знаете, как забрали? Просто руки назад связали, одели мешок также. Я, честно говоря, даже не знаю, как я выжил. Кинули мешок

на заднее сиденье, сверху сели — и вот таким образом несколько часов везли в Днепропетровск. То есть первые три дня я сам не мог ни встать, ни лечь. Меня под руки водили, там сокамерники помогали мне, я дней пять ничего не ел.

...В СБУ было тяжело, потому что были провокации. В своем подвале они приковали наручниками к трубам. Там не было ни туалета, ничего. Был человек, который приходил, один раз кормил. Вот это вот на бетонном полу, прикованные к батарее, еще двое суток сидели.

СБУ не церемонятся ни с кем, они калечат людей, потом уже трудно человека в чем-то обвинять, что он что-то рассказал, не каждый человек может выдержать эти пытки. Я знаю, что одна семья, это учительница по русскому языку, к ней просто приехали, вытащили из квартиры и все».

Актер и драматург Юрий Юрченко, живущий во Франции, стал военным корреспондентом и был захвачен украинским батальоном «Донбасс». В сокращенной форме приведем его рассказ журналистам:

«Утром 10 июня 2014 года я приехал в Донецк. Там стоит палатка, где записывают в ополчение. Я записался. Там было еще несколько добровольцев. Потом нас построили и повели. У меня было такое чувство, что я иду умирать. Я же воевать не умею. Я даже в армии не служил. Но и другого выхода для себя я не вижу. Так я и стал ополченцем.

Когда погиб Андрей Стенин, мой товарищ, с ним погибли два военкора — Андрей Вячало и Сергей Коренченков. Я случайно не оказался с ними в той машине, обычно мы вместе ездили. Коренченков (позывной "Корень") жил со мной в одной комнате. Стенин сидел в машине сзади, а впереди — два военкора в военной форме, с автоматами. Машину расстреляли пьяные нацгвардейцы. Они в тот день устроили засаду на дороге. Когда увидели, что в машине журналисты, они ее оттащили подальше и подожгли. Поэтому Стенина так долго искали... 95 процентов западных корреспондентов приезжают уже с готовым шаблоном в голове, реальность их не интересует... В плен меня взяли 19 августа утром. Ребята говорят: вот его надо подбросить в Иловайск. Я сажусь сзади. Они едут. Вижу, они едут как раз по той самой дороге через Зугресс. И тут вдруг начинается шквальный автоматно-пулеметный огонь. Выходим из машины, нас тут же бросают на землю. Руки связывают сзади. И после этого начинают людей со связанными руками избивать. Прикладами, ногами, по голове, колют ножами, штыками. У меня по лицу течет кровь... Вижу, идет какой-то иностранец в натовской форме, каске, по внешнему виду сильно отличается от украинцев. Говорит с акцентом. Подходит ко мне и говорит: "Я из-за тебя, сука, в Нью-Йорке бизнес бросил!" И с размаху

меня бьет. Иностранец командует: "Бегом через мост!" Гражданин США с украинскими корнями, бизнесмен... Другой амбал, позывной "Семерка", сразу свалил меня на землю и начал бить сапогами по ребрам. Тут и другие подскочили. Я чувствую, что ребра сломаны. И вижу, как новый сапог летит в мою уже поломанную грудную клетку. Хочу встать на ноги — и понимаю, что не могу. Грудь так болела, что я не заметил, как саданули по ноге — то ли прикладом, то ли еще чем...

Потом всех отвели в школу. Там был такой железный шкаф для инструментов. Темно, ничего не видно, пыль, грязь. Присесть не на что. Дышать невозможно. А у меня лицо все залито кровью. Но я спасся от того, что пережили остальные ребята. Я слышал, как их гоняли по двору. Заставляли бегать на четвереньках, кричать: "Слава Украине! Героям слава!", "Украина понад усе!" Это же точная калька с "Deutschland über alles". После этого они еще говорят: "Где ты видел здесь фашистов?" А это что вы делаете? Рядом с нашим шкафом были школьные мастерские, класс труда, где верстаки на столах. Ребят завели в этот класс, и я слышу: "Решай, что тебе отрезать: яйцо или палец? Палец или яйцо? Палец или яйцо, ну?" Я потом узнал: они у старшего группы мошонку положили в тиски, а другого, водителя, заставили крутить. Шесть суток мы пробыли в шкафу вдвоем с ополченцем, словаком Миро...

Меня вызывают на первый допрос. Смотрю, сидит грузин, Ираклий Гургенович, фамилии не знаю. Он в батальоне "Донбасс" служит консультантом по разведке. Потом я узнал: он 22 года в разведке, с 18 лет воевал в Абхазии, Осетии, за рубежом. Учился в Штатах. При Саакашвили занимал крупный пост в Грузии... И вот они готовятся отходить. Опять кто-то дает команду: "Пленных расстрелять. Но сначала оденьте их в военную форму". И тут вдруг опять появляется Ираклий. Он просто забросил меня в легковую машину...

В городе Курахово нас всех бросили в подвал. В любой момент охрана могла ворваться, избить прикладами. Ребят заставили ложкой выцарапать на стене гимн Украины, выучить его наизусть. И когда те заходили, ребята должны были его исполнять. Должны были кричать "Слава Украине!" Там был один повар-садист. Он часто заходил и избивал ребят. Как-то он и мне разбил голову в кровь. Меня вели к врачу, и сопровождающий на минуту отошел. Я стою на костылях у стены. А повар сверху заглядывает: "Ну что? Слава Украине?" Я молчу. Он тогда меня бьет по голове бутылкой, полной воды. "Слава Украине?" У меня кровь течет... Там был один следователь. Очень эрудированный, образованный. Цитирует Юнга, Фрейда, Ницше, "Майн Кампф". Исповедует идею сверхчеловека. Он профессионал. Специалист по психологической обработке пленных... он говорит: "Эти твои

ребята без проблем напишут все, что нам нужно. Что ты был главным, что они были твоим сопровождением, что ты был до зубов вооружен. Мы сделаем тебя интернациональным супертеррористом и будем выставлять Франции в обмен на наши требования. Мы получим от нее все, что хотим. А если не договоримся, то ты просто сдохнешь в этом подвале"...

Обмен делал лично Ираклий. Конечно, обменяли меня не слабо — на троих, на одного грузина и двоих командиров "Донбасса". А потом один из обменянных офицеров, его фамилия Чайковский, позывной "Артист", на пресс-конференции в Киеве сказал, что их обменяли на группу военнослужащих Российской армии».

Дмитрий рассказывает: «Был взят в плен на украинском блок-посту. Меня привезли куда-то и закрыли в контейнер типа холодильника, там рыбу держали. Продержали там двое суток, а потом перевели в ангар. А там начали бить по почкам, били, в основном, ногами. Сказали, что якобы при мне было обнаружено удостоверение ДНР, патроны 5х45 калибра. Потом вместе с еще одним человеком погрузили в багажник, привязали на наручники к запаске. Привезли в Волноваху и там снова избивали. Потом нас привезли в Мариуполь на СБУ, кинули в подвал. Потом снова начали избивать. Потом отвезли в изолятор временного содержания. После этого никто на допросы не вызывал, никто не приезжал и вопросы не задавал. Потом просто осудили».

Ополченец Сергей рассказывает о провокации сотрудников СБУ, которые с его участием имитировали обстрел батальона Украинской армии, называясь сотрудниками Федеральной службы безопасности России. После организованной провокации они перестали скрывать своей принадлежности к СБУ и стали подвергать захваченного и его сына избиениям. Угрожая убийством сына, они заставили ополченца признать в суде все обвинения. Потерпевший Сергей рассказывает:

«В середине августа меня с сыном схватили из СБУ шесть человек, завязали глаза, руки и закинули в машину. Так завязанным они возили по городу, потом за город вывезли, что было слышно по звуку, потом завезли в ангар заброшенный. Они представились сотрудниками ФСБ, якобы они спасают нас от СБУ. Сказали, что доставили нас якобы к подполковнику русской армии. После этого нам снова завязали глаза и руки и увезли в какую-то лесистую местность, где мы находились до глубокой ночи. После этого нас с сыном снова посадили в одну машину их оперативников, продолжая ту же игру. Мы проехали около ста километров, и нам с сыном развязали глаза и руки, сказали, что

у них операция, в которой они хотели обстрелять украинский батальон. Один из них достал из багажника гранатомет и сел на переднее сиденье, мы еще метров 700 проехали по каким-то закоулкам. Потом раздалась стрельба в воздух из автоматов, распахивается дверь, нас с сыном выкинули наружу и начали бить. Там уже была подготовлена рампа световая, как для профессиональной съемки, сделали с нас несколько кадров. Надели мешки на голову, бросили на бетон, начали избивать ногами, ломали руки.

Потом они все уже появились как следователи СБУ. Задали только один вопрос: "Ты хочешь, чтобы сын остался живой?" Я сказал, что естественно. Они сказали: "Тогда ты подпишешь протокол о задержании". Я сказал: "Придется". Протоколы у них сразу были готовы. Подписали, и нас повезли сразу в СБУ. Утром пришел следователь, вопросов задавал мало. Фактически все, что у них по делу, уже все было готово.

Сказали, что главное на суде, чтобы я молчал и их не оспаривал. Судья назвала меру, и отвезли нас в СИЗО. До этого еще к нам подошел следователь и сказал, поскольку у нас с вами нет конфликтных ситуаций, мы к вам будем лояльны».

Захваченный украинскими войсками 8 августа 2014 года Николай рассказывает: «Мы ехали на машине с товарищем, нас остановили вооруженные люди с автоматами, положили на асфальт и надели мешки на голову, посадили в машину и увезли.

Скорее всего, мы были в Краматорске. У них там военная база стоит, аэродром. Постоянно что-то жужжало, скорее всего, вертолеты. Нас периодически выводили, избивали, пугали: "мы вас расстреляем", "прострелим ногу", "отдадим командиру, у которого погибло много солдат; они вас там убьют".

По дороге еще был случай: когда мы выезжали, нас было шесть, у одного не было документов, а им сказали, что без документов там не примут. Скорее всего, они говорили о Харькове. Посередине дороги его вывели, потом послышалась автоматная очередь, после чего нас пять закрыли, машина завелась, и мы поехали дальше.

Выламывали руки, били ногами, руками по почкам, по печени. Одного товарища, который ехал с нами, после того, как мы уже приехали в Харьков, сразу забрали в больницу, в реанимацию. Ему сделали операцию и потом привезли назад в СБУ».

Ополченец Виталий рассказывает об избиениях, которые украинские военнослужащие называли «распаковка» и «перепакровка»:

«5 июля 2015 года я был у себя в магазине. Вдруг врываются люди в камуфляжной форме, с пистолетами с вопросом: "Где Дима?" Не объясняя, какой Дима, начали говорить: "Выходи из-за прилавка, сейчас стрелять буду". Приставили к голове пистолет, говорят: "Сейчас я тебя пристрелю, говори, где телефон". Начали изымать телефоны, планшет, ноутбук, регистраторы, деньги с кассы, пополнения для телефонов. Затем спросили документы, права на машину, ключи от машины изъяли. Надели мешок, забросили в багажник, скотчем связали руки и увезли. Только привезли, сразу вытащили с багажника и начались избиения, били ногами, били в голову. Я потерял сознание, пришел в сознание, когда уже начали затаскивать в вагончик. На следующий день нас вывели из вагончика, поставили на колени, сняли мешки с головы, перед нами лежал целый арсенал оружия, то есть на камеру снимали это все и говорили, что это боевики ДНР.

Затем опять мешки одели, повели к вагончикам, кто хотел, тот бил по пути — по почкам, по ногам. Вечером — избиение это у них называлось "распаковка", нас начали в яму затаскивать. Под дождем мы просидели ночь, день. Периодически туда спускался солдат, мог ударить по почкам — это называлась "перепакровка", скотчем утягивали».

Ополченец Петр, захваченный Украинской армией около Луганска, тоже рассказывает об избиениях и попытке захоронения заживо в яме:

«Нас захватили, отвезли в аэропорт и начали допрашивать и избивать. Потом повели в другую комнату, посадили на стул и что-то вкололи, потом я помню только, как у меня спросили фамилию, имя, отчество, а дальше как будто память отрезало.

Потом нас отвезли в Краматорск. Там нас избивали, били по пяткам. Потом вырыли яму и начали лопатой сбивать туда в яму, бросать. Хотели закопать живьем».

Потерпевший Дмитрий рассказывает, как в батальоне «Галичина» его закапывали живым в яму, имитировали расстрел, поджигали надетый на его голову мешок:

«2 августа 2014 года в одной футболке, шортах и шлепанцах, без оружия меня схватила Национальная гвардия. Сразу на голову мне был надет мешок, руки — в наручники, ноги — в хомут. Привезли, кинули в яму, сказали: "Молись". Стреляли из автомата возле уха, поджигали мешок, на левое ухо я стал плохо слышать.

Потом за мной приехали, я не знаю, кто они такие, но слышал из "Правого сектора". Повезли с мешком на голове в Славянск, кинули в яму, еще раз пытались расстрелять. Представились батальоном "Галичина". У меня был паспорт при себе, они паспорт порвали, кинули в яму, меня в эту яму кинули следом и начали закапывать. Закопали прямо по шею, потом подошел старший, дал им команду, и они меня вытащили. Потом отвезли в изолятор временного содержания в Харькове и на обмен».

Ополченец Юрий свидетельствует: «Маршрутка привезла меня на блок-пост Национальной гвардии. Я видел, черненький хлопчик лет до двадцати, он был раздет, весь синий, побитый, лица нет, а все тело в синяках, у него все дрожало. И они выстрелили в него. Подошел сзади офицер — он ими всеми командовал — и выстрелил в висок. А меня то били, то подвешивали сзади. И так я там пробыл трое суток.

А потом привезли еще четырех хлопцев и их начали сильно бить и периодически не забывали про меня. Как-то загрузили нас всех в машину грузовую, она вся железная и жарко в ней, что дышать нечем. Покатались минут двадцать, я начал терять сознание, одно легкое ребро проколото. У одного деда даже лопнула диафрагма и кишки вывалились. В СБУ уже не били. Медицинскую помощь не оказывали. Только если сознание теряли или видят, что он уже все. У меня ребра внутрь вросли. Верхних сторон больших пальцев я вообще не чувствую. Голова была и все тело синие. Там вон с Луганска привезли хлопчика, батальон "Айдар" его взял. Он синий весь, полностью весь, один большой синяк. И с нами хлопчик приехал, его пытали — и ногу прострелили, и палец надрезали. Мужики рассказывали, что и по минному полю наших пацанов там пускают. Из десяти человек половина остается там».

Арестованный 20 июня 2014 года сотрудниками СБУ Алексей рассказывает: «Меня схватили неизвестные люди в форме милиции. Заломили руки, лицом в асфальт, нанесли несколько ударов по голове, по корпусу, мешок на голову, засунули в машину, привезли. Я так понимаю, это база СБУ, замаскированная под автомойку, где несколько дней осуществляли допросы с пристрастием, избиения, моральное давление и унижение.

Потом посадили в джип и отправили под Славянск, село Евгеньевка, где был их штаб и по совместительству фильтрационный лагерь. В данном фильтрационном лагере располагалось два кунга, которые служили местами временного заключения, это машины с будками небольшой вместительности

с площадью примерно 16–20 кв. м. Там я провел больше двадцати дней, каждый день менялись люди, добавлялись новые, в среднем там люди проводили по пять–семь дней.

Избиения были регулярные, меня поднимали ночью, выводили из этого кунга и отводят на допрос к военным. Ты выходишь в наручниках, а на голове у тебя мешок. Садят тебя на стул и с разных сторон задаются вопросы, а потом начинают бить по голове.

Условия содержания, конечно, в фильтрационном лагере — это просто кошмар, потому что абсолютно все время ты сидишь с мешком на голове либо в целлофановом пакете, который замотан скотчем вокруг глаз, в наручниках, потом наручников стало не хватать, стали стяжками связывать руки, пальцы. Ну конечно же, затягивали все очень плотно, туго. Самое плохое это, бывало так, что набивали в этот кунг людей до предела — на 20 кв. м сидели 17–18 человек. Ты даже лечь не можешь, и это на протяжении нескольких дней. Когда людей становилось много, переставали людей выводить в туалет, ставили ведро в углу, все мочились в это ведро.

Еще засовывали в яму. Была выкопана яма метров пять и туда водили — бывало, всех вместе, бывало, поодиночке. Там, бывало, несколько дней сидели в яме, под дождем, по щиколотку в воде.

Потом меня перевезли в изолятор СБУ. Это уже камеры, гораздо более комфортабельные, гораздо опрятнее, кормили. Оперативники СБУ, конечно, творили очень много того, за что им придется отвечать. Когда надо было ехать в суд, у меня на футболке были следы крови после "бесед", но, конечно, футболку заставили снять и надеть рубашку, чтобы ничего не было. На суде мне дали меру пресечения, и я отправился на СИЗО, потом обмен».

Председатель гуманитарного фонда Алла свидетельствует: «Нас задержала Национальная гвардия по какому-то списку. Возможно, что-то у них на меня было лишь потому, что я помогала жителям. Они меня быстренько "руки на капот", надели кулек на голову, плотно перемотали — передавлена была сильно вена, дня три я не могла шевелить головой. На просьбу о том, чтобы облегчить страдания, что у меня голова вот-вот лопнет, они мне сказали: "Сдохнешь ты, сепаратистка. Вас знаешь сколько тут закопанных валяется".

В итоге нас привезли на аэропорт Краматорска. Там было такое, что я за всю жизнь не смогла бы придумать в страшном сне. Издевались — не то слово. При мне избивали мужа по печени, для того чтобы я сказала, что Россия спонсирует оружием, чего нет на самом деле. Как поступает Национальная

гвардия? Надевает кулек и душит женщину, у которой сахарный диабет, которая просит попить, они говорят: "Мы тебе сейчас мочи дадим".

Там было такое жуткое, что даже, честно сказать, страшно вспоминать обо всем, просто страшно. Потом нас повезли в Изюм и приковали к какому-то турнику. Три дня мы в наручниках спали и нам там дали кусочек хлеба за все время. Потом перевезли на Харьковскую СБУ, поместили в камеру, там было более или менее».

Ополченец Павел рассказывает, как над ним издевалась Национальная гвардия и разрывала его раны: «19 июля 2014 года я попал в плен. Был обстрелян из засады с трех сторон и взят в плен в тяжелом состоянии. В плену над нами издевались. Били по голове и нажимали на раны, откуда текла кровь. Получил я шесть пулевых ранений плюс осколочный. Таскали, издевались, оскорбляли, вывозили расстреливать.

В СБУ нас отправили город Краматорск, где мы находились в больнице сутки, потом перевезли в Харьковское СБУ, которое нас не приняло, и нас снова положили в больницу.

Я много крови потерял, мне били по ранам, нажимали на осколки, на пули, совали пальцы в дырки от пуль, крутили в разные стороны и смеялись. Они наблюдали, как я истекаю кровью. Снимали на видеокамеру свои пытки и издевательства. Это была Национальная гвардия. На следующий день они приехали, хотели забрать нас, чтобы расстрелять, но им другие охранники не дали.

Врачи осколки вообще не вытаскивали. Одна пуля застряла в руке, раздвоила кость, врачи не стали ничем заниматься, потому что им не надо было. Они просто накладывали мазь и кололи обезболивающие, старались, чтобы больше не беспокоил, говорили "так заживет", "со временем выгноится и выйдет само, ничего страшного". Пули находятся до сих пор в теле.

Потом забрали в СБУ недолечив, я еще был с гнойными ранами. Людей туда привозят избитыми, с выжженными свастиками, надписями "СС". Другие люди приезжали с разбитыми полностью телами и лицами до неузнаваемости просто, как будто груши перебитые. Отбито все, даже мясо отходит от костей».